

9. Lay, K.J., Yavuz, M.A. Targeting Turkish-to-English interlingual interference through context-heavy data-driven learning //SAGE Open, 2020. – V. 10. – № 2. – P. 1–12.

10. Levelt, W.J.M., Roelofs, A., Meyer, A.S. A theory of lexical access in speech production // Behavioral and brain sciences. – 1999. – Т. 22. – № 1. – P. 1–38.

11. O'Grady, W., Dobrovolsky, M., Katamba, F. (ed.). Contemporary linguistics. – St. Martin's, 1997. – 720 p.

12. Rubert, I.B., Kapitonova, M.A. On the problem of interpreting-psycholinguistics interaction: interlinguistic interference // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2017. – V. 3. – P. 400–408.

13. Rubis, N.M., Dumlaog, R. Interference of Compensatory Strategies in Oral Production of English Language Student in an ESL Classroom: Does Compensatory Strategy Play a Role in Academic Performance? //Journal of English Teaching, 2018. – V. 4. – №. 3. – P. 156–169.

Науч. рук.: Влавацкая М.В., д-р филол. н., проф.

Ю.В. Кобенко

*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет*

Структурно-функциональные особенности глагольного гендиадиса в современном немецком языке

В статье рассматриваются формальные и функциональные признаки гендиадисных единиц в классе немецкого глагола. Особенности глагольного гендиадиса признаны: сочинительная связь элементов, аффирмативность, слабая взаимозаменяемость компонентов и вариативность соединительной части; синонимичность компонентов и возможность использования клише во вложенных конструкциях.

Ключевые слова: современный немецкий язык; глагольный гендиадис; аллитерация; рифмование; ассонанс; редупликация.

В классе немецкого глагола гендиадисные единицы (ГЕ) составляют менее 8% от общего числа клише (103 ГЕ). Для установления данной величины в качестве материальной базы привлекался эмпирический корпус В. Гофмейстера в количестве 1301 ГЕ [3], составленный на основе ряда авторских источников, среди которых картотека Х.-Г. Мюллера, автора работы «*Adleraug und Luchsenohr. Deutsche Zwillingformeln und ihr Gebrauch*» (2009). При всей коммуникативной важности глагола такое

незначительное количество ГЕ не может не обратить на себя внимание исследователя. Безусловно, гендиадис как фигура множественности в первую очередь присуща именным частям речи. Очевидно, это связано с реализацией гендиадисом номинативной функции через создание синтаксической избыточности, при которой второй и последующие компоненты упоминаются, так сказать, для красного словца (ср.: *das Schiff versank mit Mann und Maus*) или полностью формализованы (ср.: *doppelt-gemoppelt, Techtel-Mechtel*). Использование фонем *-m-* или *-schm-* является, по-видимому, языковой универсалией, сигнализирующей коммуниканту о том, что добавочные компоненты ГЕ семантически несамостоятельны и создают ощущение полноты, весомости, убедительности фразы.

Однако данного объяснения, как представляется, недостаточно для ответа на интересующий языковедов вопрос «почему человек говорит что-то дважды?», во всяком случае, во всей его межъязыковой полноте. Тем не менее частные и частноязыковые аспекты изучения гендиадиса видятся камнями мозаики, достраивающими общую картину данного интересного явления, которое нельзя без остатка отнести ни к системной, ни к функциональной сторонам языка [1, с. 101]. Данное обстоятельство побуждает обратиться именно к той части фразео-паремиологического фонда современного немецкого языка, которая менее всего подвержена редупликации – глагольному гендиадису. Современный немецкий язык выступает здесь прецедентом вербоцентризма с фиксированным расположением частей сказуемого в предложении, чем и привлекателен для определения специфики гендиадиса в классе глагола.

Процедурная сторона вопроса предполагает выделение структурно-функциональных свойств ГЕ, обуславливающих, по нашему предположению, специфику глагольного гендиадиса в современном немецком языке. Для специалистов в области фразеологии не секрет, что системные особенности единиц нереконструируемого фонда языка никак не связаны с их функциональными свойствами. Другими словами, к какой бы предметно-тематической группе не относилось клише, его специфика определяется не тематическими характеристиками, а конструкционным и функциональным каркасом, в силу чего системные особенности глагольного гендиадиса, как то: тематическая отнесённость, семантическая типология (принадлежность к определённом классу), парадигмально-категориальные признаки и т. п., в данной работе опущены или изложены вскользь.

Пожалуй, единственным соображением, придающим рассуждениям системную огранку, можно считать следующее: с грамматической точки зрения, наличие основы предложения с двумя сказуемыми, образующими одно семантическое целое, в некоторой степени усложняет коммуникативную задачу, в силу чего не поддерживается синтаксисом безотносительно

к языку. Однако для реализации выразительной функции языка система допускает существование парных сказуемых, хотя и не благоприятствует им, что можно вывести из низких процентных долей глагольного гендиадиса в современных немецком (7,91%) и английском литературных языках (9,5%) [2, с. 216]. Выразительность речи, преодолевающая границы дискретности и множественности, является пропуском гендиадиса в «зацементированные» структуры немецкого синтаксиса и одновременно его ограничителем в функциональном полюсе языка. Это значит, что глагольные ГЕ целесообразно рассматривать как явления преимущественно функционального, а не системного генеза с учётом их репертуарных (функционально-стилистических) отличий.

Материалом исследования послужили глагольные ГЕ, в которых глагол является элементом редупликации, а не общим элементом, как, к примеру, в сочетаниях (*bei jmdm.*) *aus und ein gehen, weder aus noch ein wissen*. Исключались в том числе девербативы, которые в современном немецком языке принадлежат к классу прилагательных, например, (*von jmdm.*) *behütet und beschirmt (sein), erstunken und erlogen*; причастия активные несовершенного вида, например, *lachend und weinend, sengend und brennend*, а также отглагольные субстантиваты вроде *auf Biegen und Brechen, Sinnen und Trachten*.

Ведущим критерием отбора выступает парность [1, с. 100], или *структурно-функциональная однородность*, то есть, во-первых, единство используемых форм глагола и, во-вторых, реализуемой функции изменяемой или неизменяемой частей сказуемого (*verbum finitum* или *infinitum*). Как известно, максимальное количество элементов ГЕ – пять. Максимальная лексическая длина связана с возможностью коммуниканта удерживать в памяти составляющие высказывания, и их число имеет предел, обозначаемый в языкознании грецизмом «гендиапентакис» (гр. *ἐν διὰ πεντάκις* – «одно через пять»). Однако в паремиологическом сегменте нереконструируемого фонда современного немецкого языка содержатся клише в формате предложений, которые включают пять глагольных элементов, не являясь при этом гендиапентакисом, ср.: *j-d entscheidet¹, wer leben² darf³ und wer sterben⁴ muss⁵* (WDR). Здесь становится очевидной необходимость критерия структурно-функциональной однородности (парности) для отбора единиц эмпирического корпуса: только при формальной и синтаксической гомогенности знаменательных элементов их можно признать формой гендиадиса.

Структурные признаки гендиадиса, общие для большинства современных языков, сохраняются и для ГЕ в классе немецкого глагола, ср. аллитерацию (*küssen und kosen, rühren und regen, schonen und schinden*) и рифмование, которое ввиду силлабического состава глаголов сливается с ассонансом (*kreuchen und fleuchen, rucken und zucken, schalten und walten*).

Практически во всех глагольных парах элементы связаны сочинительным союзом *und*, исключение составляют 3 ГЕ (2,9%) с разделительной и замещающей связью, ср.: (*weder*) *sitzen noch liegen können, landen oder stranden, klotzen statt kleckern*. Ничтожен и процент ГЕ, содержащих отрицание: в корпусе обнаружено всего 1 клише, в котором отрицание допускается, но не является семантической составляющей устойчивого сочетания, ср.: (*nicht*) *ruhen und rasten*. Собственно, отрицание одного глагольного компонента действительно и для другого компонента; прецеденты противоположного отмечены не были, так как вероятность отрицания одной из однородных частей сказуемого при общем значении исключается грамматикой.

Взаимозаменяемость компонентов у клише стабильно низкая, поскольку устойчивость сочетания (в том числе незаменяемость синонимами) является одним из существенных признаков фразеологических единиц. Данное правило распространяется и на сегмент глагольного гендиадиса, в котором зафиксирована всего 1 единица с взаимозаменяемостью знаменательных компонентов, ср.: *alles liegen¹ und stehen² lassen / alles stehen² und liegen¹ lassen*. Вариативность соединительной части в корпусе чуть выше и отмечается всего у двух ГЕ, ср.: *tun oder / und lassen; nicht kleckern, sondern klotzen / klotzen statt kleckern*.

Гендиадис интересен, в первую очередь, своей формальной избыточностью, которая достигается в том числе как за счёт различных парадигматических отношений сопряжённых единиц (к примеру, контрастности, так и логико-семантических связей обозначаемых понятий (например, гиперонимии, ср. ГЕ *wachsen und reifen, wachsen und gedeihen*, в которых первый глагол функционирует в качестве гиперонима второго глагола). Несмотря на то, что выделение таких семантических признаков недвусмысленно указывает на системный аспект анализа, речекомбинаторная (функциональная) сторона здесь предшествует клишированию, результатом чего становится редуплицирование по принципу симилиации (*recken und strecken*) или реже – контрастности (*tun oder lassen*) / контрадикторности (*versprechen und halten*). В пользу этого говорит и аблаут-редупликация образца *i–a* с «пустыми» глаголами (нем. *gelöschte Verben*) в качестве второго компонента, ср.: *zwicken und zwacken*, а также присутствующая главным образом немецкому языку – умлаут-редупликация образца *ö–o*, ср.: *fördern und fordern*. По этой причине отношения синонимии в корпусе значительно превосходят антонимические: 64: 7 ГЕ. При этом число идеографических синонимов ожидаемо низко (2 ГЕ), ср.: *vergeben und vergessen, verstehen und begreifen*. Промежуточную позицию занимают семантические типы комплементарности (*herzen und küssen, tanzen und springen, schäumen und zischen*), начала и конца (*kämpfen und sterben,*

säen und ernten, suchen und finden) и последовательности действия (*sagen und schreiben, teeren und federn, wirken und streben*).

Явлением сугубо функциональной природы выступает экспрессивность, реализуемая через глагольный гендиадис в современном немецком языке. Её традиционными средствами являются фигуры избыточности и гиперболизации, ср.: тавтологичные ГЕ *lügen und (be)trügen, hegen und pflegen, sich mühen und plagen*, а также элативы, передающие интенсивность действия, *rackern / arbeiten und schuften, holtern und poltern*. Симиляция, стоящая на службе и синонимии, и тавтологии, достигается нередко через сопряжение заимствованного и исконного слов, однако прецедент такого клиширования в корпусе всего лишь 1, ср.: *triumphieren und jubeln*. Единичным случаем в корпусе, но не единственным в речи выступает также модальность, ограниченная, во-первых, семантикой претерито-презентных глаголов в современном немецком языке, а во-вторых, возможностями выражения модальности гендиадисными клише, ср.: *wollen und können*. В речи же амплитуда парообразования с модальными глаголами значительно шире, что лишний раз иллюстрирует разницу между клишированным фондом и выразительными возможностями системы, ср.: *du kannst und darfst nicht Felix Mendelssohn heißen* (online.de); *ich muss und soll, will aber nicht* (Hueber); *kein Mensch muss müssen* (SWR); *seht her, wir können, wie wir wollen* (WDR).

Самым болезненным вопросом структурно-функционального свойства в данном сегменте словарного состава современного немецкого языка остаётся увеличение лексической длины, то есть добавление новых элементов, которое разрушает идиоматику клише и переводит гендиадис в разряд выразительных средств, ср.: *schmollen und grollen* → *schmollen, grollen, fröhlich sein* (Mauder). Будь то комбинаторное обыгрывание глагольных пар ли же создание новых аллитераций, данная особенность немецкого гендиадиса не оставляет сомнений в том, что парные клише могут интегрироваться как связные или расчленённые (дискретные) элементы в новые выразительные средства, поскольку вложенность, как известно, является одним из наиболее действенных инструментов множественности, ср.: *enteignet, entrechtet, vertrieben* (phoenix); *seine Länder waren verheert, verwildert, verarmt, entvölkert* (Th. Mann).

Множественность в современном немецком языке напрямую связана с образованием композитов (нем. *Zusammensetzungen*). В классе немецкого глагола любые композиты являются детерминативными, чем и отличаются от других знаменательных частей речи, в которых сегмент копулятивных образований распределён весьма неравномерно: к примеру, в именах прилагательных (*blaugrün*) он по понятным причинам несколько выше, чем в классе имён существительных (*Uhrenradio*), так как

сопрягать эквивалентные признаки в речи значительно легче, чем предметы. Потенциальные копулятивные глагольные конструкции автоматически распадаются на гендиадисные построения, ср.: *drehen und wenden, spinnen und zwirnen, schützen und stützen*. Примечательно, что к ним не относятся гендиадисные единицы с разделительным союзом *oder* (*friss oder stirb*) в силу слабой клишированности. Если в русском языке глагольный гендиадис может сохранять дефисное написание (ср. *ходить-бродить*), то в немецком языке данная опция исключена, следовательно копулятивные глагольные композиты ему не присущи. При этом коллоквиальное редуплицирование (*ich gehe und gehe...*) нельзя рассматривать в качестве копуляции как модели словообразования ввиду преодоления конструкцией границы слова, как и в прочих формах гендиадиса с различными типами связующих элементов (*mal schauen, mal gucken, mal sehen*). Попытки увязать копуляцию и метаплазмы, сконструированные из двух – необязательно глагольных – основ (нем. *verbaerbocken*), так или иначе заканчиваются образованием детерминативных композитов. К тому же метаплазмы в отличие от контаминаций (*verschlimmbessern*) не являются словарными единицами, так как конкурируют с уже имеющимися (*verbocken* → *verbaerbocken* (от фамилии *Baerbock*) и т. п.), решая особую выразительную задачу. Однако и они могут стать элементами словарного состава, если выигрывают конкуренцию у регулярных единиц или способов выражения и будут образованы по регулярной (продуктивной) словообразовательной модели, ср. конфиксацию *verballhornen* (от фамилии *Ballhorn*). Итак, вложенность у немецкого глагола имеет только синтаксическое выражение. В морфологическом измерении она ведёт к образованию композитов и метаплазмов.

Таким образом, основными структурно-функциональными особенностями глагольного гендиадиса в современном немецком языке выступают: преобладание сочинительной связи между знаменательными элементами ГЕ; аффирмативность клише; слабая взаимозаменяемость компонентов и вариативность соединительной части; синонимичность компонентов глагольных ГЕ, пределом которой является тавтология, и возможность их использования во вложенных конструкциях. В пользу того, что немецкий глагольный гендиадис является фигурой множественности, говорит отсутствие опции образования копулятивных глагольных композитов, что подтверждается высоким процентом синонимии в данном сегменте корпуса (62%). Гендиадис с его классическими формами как никакое другое явление демонстрирует подвижность и реверсивность диады «клише ↔ клиширование», вектор в которой задаётся условиями речевой комбинаторики и неизбежно ведёт к синтаксической избыточности.

Литература

1. Кобенко, Ю.В. От гендиадиса до гендиатетракиса: опыт демаркации симптоматических явлений (на материале современного немецкого языка) / Ю.В. Кобенко // Германистика сегодня: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 16–17 октября 2018 г.) / под ред. М.А. Кульковой. – Казань : Изд-во КФУ, 2019. – С. 98–102.

2. Макаровских, А.В. Феномен гендиадиса в аспекте вербоцентристской теории / А.В. Макаровских // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации: сборник научных трудов VIII Международной научно-методической онлайн-конференции, посвященной Году педагога и наставника в России и Году русского языка в странах СНГ (11 апреля 2023 г.). – Курск : Изд-во КГМУ, 2023. – С. 215–218.

3. Hofmeister, W. Sammlung der gebräuchlichen Zwillingformeln in der deutschen Gegenwartssprache / W. Hofmeister. – Stand: 25.06.2010. – URL: https://static.uni-graz.at/fileadmin/_Persoenliche_Webseite/hofmeister_wernfried/ZWILLINGSFORMELN_Hofmeister_25-06-2010.pdf (дата обращения: 22.05.2023). – Текст : электронный.

Л.В. Надеина

*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет*

Влияние исторических факторов на формирование лексического состава в диалекте английского языка *Scots*

В статье исследуется влияние исторических факторов на словарный состав диалекта английского языка *Scots*. Результаты показали, что диалект, сохраняя многие языковые явления, относящиеся к разным периодам истории языка, дает возможность проследить путь появления в *Scots* не только иноязычных напластований, но и заимствований из других английских диалектов.

Ключевые слова: Шотландия; диалект; языковая ситуация; ареал; лексема; заимствования; лексико-семантическая сфера.

Чтобы проследить, как развивался и изменялся язык, лингвисты обращаются к процессам, как правило, происходившим в литературном языке, оставляя за рамками исследования такой огромный пласт как диалекты. Отмечая этот факт, констатируем, что многие очень важные языковые процессы могут оказаться недостаточно изученными, поскольку только при привлечении диалектных данных ученые имеют возможность воссоздать полную картину всех изменений. Во-первых, изучая данные